

Выступление директора ИНИОН РАН академика РАН Юрия Сергеевича Пивоварова

Уважаемые коллеги!

В программе заседания Ученого совета запланированы три выступления, и я надеюсь, что они составят единое целое. Я решил отказаться от отчетного доклада, когда говорят, сколько мы выпустили учетно-издательских листов и так далее. Не буду говорить и о наших недостатках — они есть, и это естественно. Я хочу немного поразмышлять о нашем Институте, о том, как я его вижу, проработав здесь 35 лет. Тем более, что эта дата — 90 лет — вводит в некое вопросительное сомнение. Так сколько же действительно — 90 или 40? Кстати, это предмет дискуссии, которая постоянно проходит у нас внутри Института.

Когда 90 лет назад большевики создали Коммунистическую академию (сначала она называлась Социалистической и лишь потом стала называться Коммунистической), при ней была создана Библиотека. Это то, из чего потом вырастет Фундаментальная библиотека и то, из чего потом будет вырастать ИНИОН. Большевики думали, что, создав Коммунистическую академию, они тем самым создадут противовес Императорской российской академии наук. Так же, как они создавали Пролеткульт, который должен был стать пролетарским искусством в отличие от искусства и культуры традиционной России. Прошло время и оказалось, что эта Коммунистическая академия влилась в старую российскую Академию наук, стала ее составной частью, и эта идея оказалась нереализованной. Примерно такая же судьба была и у Библиотеки. Хотели создать совершенно новый тип библиотеки — и создали, кстати говоря. Виктор Алексеевич Глухов, руководитель Библиотеки, будет рассказывать об этом, да и мы сами знаем, что за образец была взята Библиотека Конгресса США, как самая современная в те времена. Но постепенно и сама Библиотека — чем больше я знакомлюсь с ее историей, тем больше убеждаюсь в этом — вместе с новыми формами, взятыми за рубежом, превращалась в традиционную русскую библиотеку.

То есть, с учреждением, которое создавалось как принципиально новое, вопреки старому, судьба распорядилась так, что в середине 30-х годов все это «устаканилось» и стало частью Академии наук. Как мы знаем, Библиотека была передана Академии в 1936 году. То есть, шла системная притирка того, что планировалось, к тому, что оказалось на самом деле. Между прочим, очень похожей будет и судьба создания ИНИОНа. В 50-60-е годы эта Библиотека уже обростала какими-то исследовательскими функциями. Она, если можно так вольно выразиться, уже была беременна чем-то, и это что-то могло появиться. И вот в 1969-м году было принято решение о создании ИНИОН. Мне кажется, это тоже не случайно. Конец 1960-х годов — очень интересный период. К тому времени уже окончательно было осознано, что наша гуманитарная наука, находясь в условиях вынужденной, насильственной изоляции, в которую ее ввергло сталинское руководство, безусловно, нуждается в свежем ветре, в связях с мировой наукой. И в это время, кстати, вся Академия наук выходит на международные просторы. То есть, надо было и науке выходить из гетто и изоляции, а без знания того, что происходит за рубежом, это было невозможно.

Но я думаю, что создание ИНИОНа было связано с еще более сложными явлениями в нашей жизни. Конец 60-х годов — это, с одной стороны, конец оттепели, с другой — нарастание чего-то совершенно иного, что, в конечном счете, наверное, и привело к развалу и падению коммунистической системы. 1968-й год — один из самых трагических в жизни российской истории XX столетия. Наши войска входят в Прагу. Тем самым было покончено со всеми надеждами на какое-то более-менее разумное демократическое развитие, которое, как мне кажется, было возможно. Вместе с тем в обществе нарастают оппозиционные настроения. Начинает складываться то, что потом получит не очень четкое название «диссидентское движение», то есть на самом деле — это рождение какой-то оппозиции в обществе. И вот в рамках всего этого очень сложного соцветия событий, явлений, тенденций и так далее, появляется на свет ИНИОН, который должен обеспечивать фундаментальную науку научной информацией. ИНИОН должен делать библиографии, реферировать, писать обзоры, переводы и прочее для того, чтобы ученые могли творить.

Но ИНИОН постепенно превращается и во что-то другое. А во что? С моей точки зрения, здесь рождается новый тип ученого, новый для советской ситуации того времени. Ученый, который не зашорен марксистско-ленинской догматикой, который по своей сути, по своей каждодневной работе должен читать — прежде всего,

конечно, западные источники, но и не только — и это само по себе уже было вторым высшим образованием. Я говорю об этом, как человек, прошедший всю эту школу, и многие в этом зале также прошли эту школу — мы читали эти книги и журналы, получали фактически новое высшее образование. И мы, присоединяясь к мировому научному потоку, становились частью мировой науки. И здесь сформировался тип ученого, который вынужден был быть ученым широкого профиля. Мы не могли заикливаться исключительно на собственных темах. А рядом с нами существовала многотысячная армия внештатных референтов, которые проходили тот же самый путь. То есть, так или иначе, здесь формировались какие-то ростки такого, самостоятельного мышления, можно сказать, начала гражданского общества в России. И я думаю, что помимо той самой работы, которая идет в ИНИОНе, было очень важно формирование какого-то нового субъекта. Причем этот субъект себя и показал в конце XX столетия, потому что многие выходцы из ИНИОНа и из той среды, которая была рядом с ИНИОНОм, сыграли определенную роль в исторических событиях.

Вне всякого сомнения, Институт не состоялся бы в том виде, в котором мы его знаем, если бы 14 февраля 1972 года его директором не стал бы Владимир Алексеевич Виноградов. Это было удивительное совпадение — члену-корреспонденту Виноградову было в то время 50 лет, он находился в расцвете сил. Это был опытнейший академический менеджер, причем с большим опытом и международных связей, поскольку Владимир Алексеевич Виноградов с конца 50-х годов, и в 60-е годы, и в начале 70-х годов занимался «открытием» Академии наук для международного сообщества. Он восстанавливал контакты, которые мы потеряли в 30-е и 40-е годы, и этот человек понимал, что ИНИОН должен вписаться в мировую научную среду, что и было сделано. И что еще было очень важно — Владимир Алексеевич пришел с огромными связями в самом лучшем смысле этого слова. Он знал, как работает советский властный механизм, знал, как можно в его рамках строить серьезное дело. Он начал его строить, «прикрывая» своим опытом многие рискованные для того времени темы и направления. Часто это выглядело весьма комично, но, тем не менее, делалось. Я не буду называть другие отделы, но это была действительно очень важная работа, которую «прикрывал» В.А. Виноградов.

Что же произошло потом? А потом рухнул Советский Союз, рухнула монополия ИНИОНа на производство информационного продукта, хотя бы в рамках Академии наук, открылись границы.

Потом появляется Интернет, люди стали ездить — мы оказались уже не в центре, а где-то рядом. Надо было что-то делать, потому что объективно ситуация работала против нас, к тому же и как Библиотека мы тоже были поставлены под удар, поскольку финансирование существенно сократилось. В 1990-м году последнее правительство Рыжкова выдало ИНИОНу сумму денег, вполне сопоставимую с деньгами, которые получали европейские библиотеки того времени. И я уверен, что к 90-му году библиотека ИНИОНа была одной из лучших в Европе по социальным и гуманитарным наукам, а может быть, и лучшей, потому что другой такой библиотеки я не знаю нигде. Но в 90-е годы возник провал, и это было тоже очень опасно для Института.

Что же произошло с Институтом в это время? Мы отбросили балласт. Платой за то, что ИНИОН был единственной институцией в Советском Союзе, освобожденной от цензуры, то есть от Главлита, было то, что большая часть наших материалов выходила под грифом «для служебного пользования». Хотя, надо сказать, вся эта «дээспэшная» продукция продавалась на литературных рынках, которые были в Москве, и московская и питерская публика их читала, но, тем не менее, продукция была закрытой. Так вот, мы освободились от балласта, который у нас был. От такого информационного шума, который мы были вынуждены производить для того, чтобы выжить в советской ситуации. Отбросив ненужное, мы стали сосредотачивать наши усилия на каких-то прорывных темах. И должен сказать, что не случайно именно ИНИОН оказался центром, где стали вполне достойно произрастать примеры новых наук, возникших в нашей стране в начале 90-х годов или даже в конце 80-х годов. Я говорю о культурологии и политической науке.

Культурология — изобретение, в общем-то, наше советское и постсоветское, и многие относятся к этой науке, может быть, несколько иронично. Но думаю, ирония эта излишня, потому что в рамках культурологии делается огромное, важное культурное дело, и оно важное в идеологическом смысле слова. Мы с вами выросли на всяких диалектиках, на том, что борьба — в основе всего и так далее. Нас учили этому с детства. А вот культурология говорит о другом. Она говорит, что культура вырабатывает механизмы согласования конфликта, преодоления противоречий. Не очень понятным словом «культурология» и проходил переход нашей науки и нашего мышления от враждебного к эволюционному к более спокойному и творческому мировоззрению. И что касается политической науки — это тоже важно, потому что вообще политика бывает только в свободной стране. В стране, где нет

свободы, политики не бывает. И само существование политической науки — это постоянные вопрошания о свободе, это тема возможности самоосуществления свободного человека. И не случайно, что ИНИОН стал одним из важнейших центров по формированию, продвижению этих наук. Именно потому, что здесь был тот самый субъект, который десятилетиями читал книги, думал над ними, реферировал, переводил, и который не нес (или нес в меньшей степени) груз догматизма, который нам всем, к сожалению, достался.

Что еще важно для ИНИОНа в последнее время? То, что он постепенно превращается — может быть, уже даже и превратился — в площадку широкой и интенсивной коммуникации. Мы очень рады, что в нашем здании действует Франко-российский центр гуманитарных и общественных наук и Германский исторический институт. Мы очень рады, что здесь действуют другие центры, например, Центр по изучению проблем европейской безопасности. То есть мы превратились не просто в место, куда люди приходят поговорить или почитать, но в место интенсивной коммуникации, где та самая научная информация, которая здесь вырабатывается, и передается — мы ей обмениваемся. И, утерев штат внештатных авторов, поскольку возможности оплачивать их работу у нас теперь нет, благодаря этой активной коммуникативной работе мы находим авторов на всех этих встречах. Я очень рад, что ИНИОН в этом отношении становится все активнее, у нас уже сотни партнеров, и это реальные люди, которые реально с нами сотрудничают, пишут для нас, мы вместе издаем, находим деньги и прочее. Это очень важно для Института.

Конечно, нам нужно новое здание, но пока еще проблему решить не удалось, и экономический кризис, видимо, вообще на годы отодвинул эту программу, поэтому в ближайшие годы будем концентрировать усилия на поддержании этого здания в надлежащем состоянии. Я говорю об этом с не меньшим интересом, тревогой и ответственностью, чем говорю о научных делах, потому что я абсолютно убежден, что не было бы ИНИОНа, если бы в 72-м году Владимир Алексеевич не сумел бы достроить это здание, и Институт получил совершенно иную перспективу, совершенно иную возможность, совершенно иные научно-социальные пространства. Не было бы этого — мы не могли бы сделать то, что мы делали в 70-е-80-е годы, которые для ИНИОНа были «золотым веком».

Я могу долго говорить про Институт, потому что я очень его люблю, я вижу его проблемы, и они — общие для Академии наук.

Это и состояние коллектива, и то, что трудно брать молодых. Тем не менее, когда Владимир Алексеевич выдвинул меня в свои наследники, я думал — как нужно дальше продолжать, что-то сохранять, что-то реформировать... Я думал над какой-то концепцией. А вот теперь, проработав директором уже больше 11 лет, понимаю, что все эти реформистские планы — они, может, нужны, как такая общая рамка для будущего, но непосредственная живая работа сама направляет деятельность Института в какое-то, как мне представляется, разумное русло. И мне кажется, что если не будет гигантского мирового экономического обвала, то ИНИОН все-таки проживет и выживет, несмотря на все эти страшные недофинансирования и другие негативные тенденции.

И я очень благодарен тем людям, которые создали этот Институт и работают в нем, и их много. С 1918-го года — это тысячи и тысячи людей. И это сотни современных сотрудников. И тот, кто работает и только что ушел с работы на пенсию, и несколько лет назад ушел, и наши внештатные авторы, и те люди, которые читали в нашей библиотеке, и читают — всеми ими держится ИНИОН, но я не могу их всех назвать. Я прошу прощения за то, что я не могу назвать всех наших героев, я могу назвать только двух людей, которые, как мне представляется, олицетворяют собой Институт. Это — мужчина и женщина. Один из них — это академик Владимир Алексеевич Виноградов, а другой — профессор Софья Иосифовна Кузнецова. Я прошу поприветствовать их стоя.